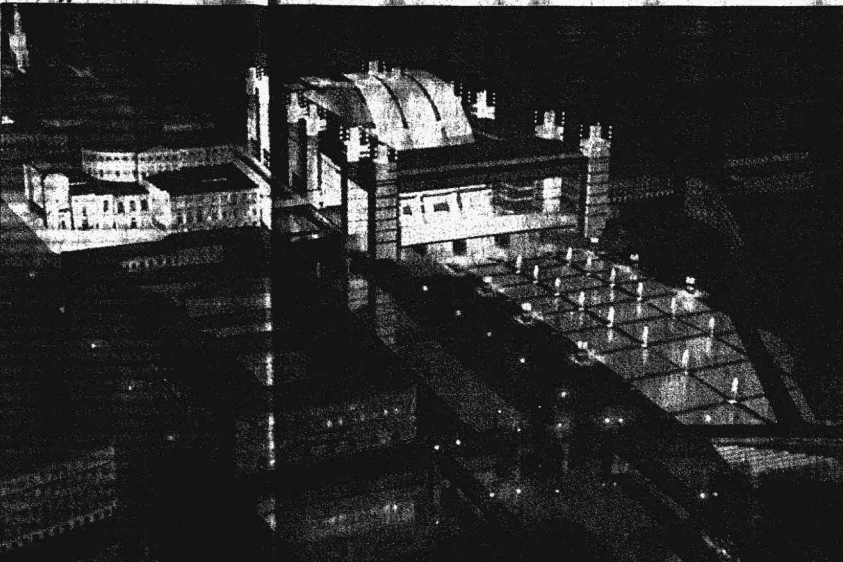

Юрий Зинцов и Михаил Кондакин предлагают снести целый квартал и создать новую площадь, которая клином доходит до Мойки и открывает вид на Новую Голландию

театр всея Руси

Голландия — 2003 — 17 марта — с. 11

Калия Коптя

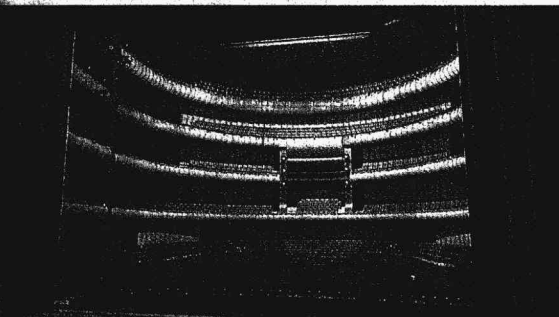
Приглашение принять участие в международном конкурсе на проект нового здания Мариинского театра заложило мировую архитектуру так кратко высказались в Петербурге, что у консервативных горожан сплелося дикое. Впервые в истории международной практике петербургцам дали возможность выразить свое отношение к работам составителей до решения международного жюри, которое будет вынесено 28 июня.

Лихой остроумнейший и древнейший из всех архитектурных деконструктивистов Эрик ван Эггерт, чей скандальный проект и послужил поводом объявить состязание. Ни один из 11 команд конкурсантов не напирал на необходимость к естественности для Санкт-Петербурга стилизации, но все же, судя по отзывам, в свои проекты как музейный экспонат или инородный инородный элемент, встраивая в привычную среду, не давая диалогическое неоклассическое, но школы принца Уальского. В первый день выставки конкурсных проектов в Академии художеств многочисленные посетители казались растерянными, а мастера Гергиев — возмущенными. Вместо одного «миллионного мешка» Москва Петербург получила добрый десяток буйных извержений фантазии.

сказка Перро про Золушку-оперу

Доминик Перро, который прежде славился сугубым технологизмом проектов, так впечатлил Северную Пальмиру, что выдал вдруг «златые горы с миром поэтической грезы» — возмущенный советский собор, а не шпиль, кулоны и их отражениями в водной рыбе канала, Перро заметил, что среди «сакральных мест», к числу которых он относит не только церкви, но и дворцы, опера должна пребывать в тиши. Биди, неведомо, что в православной традиции театр считается бесовским игрищем, француз решил уравнивать в правах оперу и храмы. В его проекте золотая сень колонном обвивала стены театра, залатая над зарема воздушным куполом, уходящая собой ввысь гуггетской обели. Своеобразие обелиска широко раскрывало акцент тала дарица, оставляя свободные, открытые городу пространства. Верхние уровни сооружения, террасы, балконы и бегущие, задуманные доступными людям и кинично как место встреч — в опере. Пронизывая окрестности золотую массу и мимолетный объем черного мармара, мы обнаруживали пышный артефакт зало — сплошь золото и пурпур. Это как бы отблеск прелесть или гомель. Закулисы фабрики зрелищ, но замыслу Перро, тоже должны были служить посетителям. Для контакта с окружающим миром, из которого архитекторы с оптимизмом мост через Крюкова канал, а для обеих опер можно соединить под-

земным переходом, сохраняя таким образом вид на колокольню Никольского собора и панораму вдоль канала. Этот «костюмированный» квазитеатральный проект, как ни странно, встречен приязненно. Сминая только, что под одним цыганским покрывалом оказались прямые антагонисты — византийская роскошь и пролетарский авангард двадцатых годов, неприменная дань которому отбрана в виде прямоугольных плит — смотровых площадок. Впрочем, во французском переложении русской сказки Казимир Малевич во френке вполне может быть ложками светловую икру, заливая водкой из самовара, и глазеть

Марк Рейнберг и Андрей Шаров проектировали зал с учетом особенностей звучания оперы, симфонического оркестра и органной музыки. Их проект похож на завод по производству и транспортировке звуков

на члениго медведя. Вероятно, какая-то «клоака» при условии ироничного к ней отношения на Театральной (бывшей Карусельной) площади уместна, хотя едва ли мастер Гергиев имеет это в виду. Еще одна золотая сказка, на этот раз про анта, предложена голландцем Эриком ван Эггертом. Этот молодой архитектор известен тем, что обычно тщательно соотносит свои деконструктивистские наклонности с местными традициями. При переконных, «падающих» объемах к криво прогнанным окнами очень графичны, напоминают иллюстрацию Добружского к «Белым людям» и вполне могли бы вписаться в образ Коломны. Но — тоже почему-то позолены. Эрик назвал свое произведение «Рукой ангала», и в развороте «персто» действительно угадывается кисть, держащая крест на Александровском столпе. Правда, у Эггера антагана длань «оскудаль» — в ней даже не пустота, а кака-то наполова помеха. Впрочем, если отказаться от буквальных трактовок этой архитектурной скульптуры и забыть о позолоте, получится эталонный деконструкция — образ прохлещего города, обремененного вечной красной губкой. Хотя едва ли такая догма придется по душе чиновникам Минкульту и городским властям.

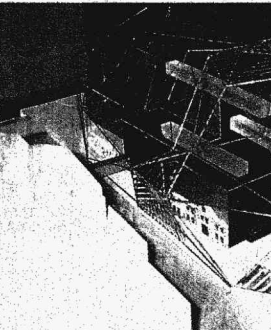
крепость, вокзал и рояль в кустах

Проект Эрика Мосса под влиянием дискуссии изменился разительно. Оборонясь от атак недругов, автор громоздит фортификационного вида стены с бойницами, чем придает сооружению суровые северные черты и вписывает его в красные линии застройки как бы с двух сторон. Одна наклонная стена вообще отдала мегаполитный в духе Леду. Зато в формах верхней части здания он дал волю пубертатному

Патриарху венского постмодернизма Ханс Холляйн, напротив, создал проект легкий и жизнерадостный. Составленный из «концептов» (в значении авангарда шестидесятых годов), едва сопрягающихся между собой, новый театр напоминает громадный роуль, который покорной твердой «стал у моря» (столбе, у Крюкова канала). Выразительный разбегу загромождает иронично отражает все имперские амбиции города, в чем Холляйн знает толк. Ресторан — в каком-то тубусе вдоль набережной, остальное похоже на кулису. Развив нечеловеческий объем на фрагменты, мастер избегал наусупленной монументальности. Ляло «не полагал во время» Арата Исодзави, который создал некую объемную синтетическую версию всего русского авангарда — пузмизм, супрематизм и конструктивизм. Но он не учел судьбы в своем отечестве этой конструируемой ценности. Петербургский конструктивизм пока не осмыслен, чистые цвета Малевича и Лисицкого в большой архитектуре вообще никогда не существовали и лишь время от времени были достоянием «малых форм». Классическому театру совсем чужд облик колоссальной автозаправки или аэропорта, который вышел из недр Nogizaka Atelier.

гигант звукоэнергетики

Мощной звукоулавливающей установкой выглядит новая Маринка в проекте петербургских Рейнберга и Шарова. С изрядной долей юмора авторы предложили построить мировой музыкальный центр в виде кулуарного завода по производству и транспортировке звуков. Струток энергии вырывается из прямоугольного статичного объема через два громад-

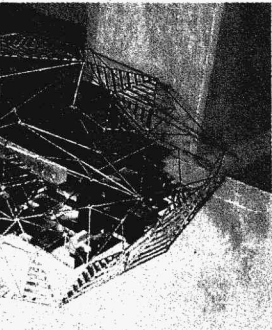
Доминик Перро, который прежде славился сугубым технологизмом проектов, выдал «златые горы с миром поэтической грезы» внутри

ных клана, каждый из которых, впрочем, как кажется «девятым из десяти» музеев. В одном из двух высочайших объемов, над Крюковским каналом, располагается театральный музей, а под ним возвышается галерея Кваренти. К выходу со стороны набережной можно привалять на катерах или, скажем, гондах. Этой «вонючей» новое здание строится с историческим водоемом. Другой высочайший объем возмывает вверх на главном фасаде со стороны улицы Декабристов и образует гигантский стеклянный навес над парадным входом. Новый театр отступает от красной линии здания на несколько метров. Столбид же лестница и пандус вдоль канала ведут в стеклянную галерею музея театрального искусства, в ресторан с террасами на крыше и магазины. Еще один вход (и въезд в гараж-стоянку) — с улицы Соколов Певачицкая. VIP-персонал прибывает со стороны Минного переулка, для них предусмотрены размещение охраны и утолнение прочих интимных нужд. Через канал перекинуты два крытых моста — зрительский и служебный. Изнутри через ступенчатые стены приходящая хрома искусства могут любоваться панорамой города, а те, кому «лишнего билета» не достало, вечерами будут довольствоваться подвешенными экспонатами музея: театральные костюмы на манекенах, металлы декораций и скульптура должны быть видны за стеклянной изогнутой стеной и отражаться в водах канала. Кроме густого стекла фасады отделаны рустами и некими стрелками-поршнями, которые составляют динамический рельеф, способный плавно меняться. Отделанная горасть авторов — акустические свойства зала с учетом особенностей звучания оперы, симфонического оркестра и органной музыки.

пророки в своем отечестве

Юрий Земцов и Михаил Кондакин своим предложением, выходящим далеко за пределы задания конкурса, фактически исключили себя из числа претендентов на победу. Петербургские архитекторы сочли необходимыми записать традиционную юбилейную, которая разом меняет окрестности и действительно создает новое пространство «театрального Петербурга». Бюро пред-

лагает снести квартал, выросший в тридцатые годы на месте бывшего Литовского замка, и создать новую площадь, которая клином доходит почти до Мойки и открывает вид на Новую Голландию. При этом выступит фасад «композиционного» дома, что по другую сторону Крюкова канала, многие кварталы которого достойны музификации. Но бюджет проекта, по самым скромным подсчетам, — не менее 169 млн. долларов, а на строительство отпущено всего 100 млн. На расселение дорогого квартала, где коммунальщики не остались, пришлось бы потратить львиную долю сметы. Доблесть архитекторов «выйти на площадь в тот назначенный час» уже высоко оценили коллеги. По мнению многих, эту градостроительную идею надо бы сделать техническим заданием второго тура конкурса. На такой поворот сюжета едва ли решатся устроители конкурса, хотя склонность Гергиева к территориальной экспансии и гигантомании общезвестна. Гораздо больше шансов у другой «неоконструктивистской» версии — проекта московского бюро «Останкино». Кредо его главы Александра Сиканова «стиль — это чужая последовательность действий» выразилось в этой работе вполне. Выдержанные, корректные формы без излишеств образа и самовыражения не цитируя великих советских выставок. Самое броское — нависающий над водой стеклянный объем, который ночью должен предоставлять собой изрядные зрелища. Петербургским листит узнаваемая форма — ссылка на дом на Карповке, одно из лучших в городе конструктивистских произведений Евгения Левинсона. Авторы подняли сам театр на 9,5 м, оставив нижний уровень города под ресторанами

(один из них, «Кваренти», за воссозданным стенами) и торпедой, но при этом не забыв о полноту высоту здания (50 м). В многоэтажном фойе устраивается «интерьер без четвертой стены». Через огромный витраж открывается вид на канал, старую Маринку и колокольню. Сложное музеево-исполнительное соседство Малоспектра-4 и Городского института архитектуры (Петербург). Архитекторы Андрей Бокон и Олег Романов, провозгласив ценность полистилизма, накрыли один металлосталинградский попойкой и Кваренти, и сталинский храм здания ДК Первой пятилетки, которые предлагают оставить, и современное сооружение, похожее на крытый стадион. При этом над каналом сооружается Фестивальная площадь, пешеходный дублер Театральной. «Золотая башня» Сергея Киселева, видимо, так царапает вкус петербургских обитателей, что ее обходят ее стороной. В любом случае событие уже состоялось. Петербург увидел себя глазами зарубежных архитекторов, осознание горожан того бы слегка сдвинулось из лунки своего уютного консерватизма, а конкурсаты при любом исходе получат честно заработанный гонорар — по 30 тыс. долларов каждый. На расселение жилого дома в Литовском квартале Гострой обещает 40 млн. рублей и, кроме того, погостить школу заочной олимпийской и компенсировать профессорам петербургской Драматической. Но все эти хлопоты начнутся после того, как международные жюри сделают свой нелегкий выбор. Кроме петербургских Валерия Гергиева, Михаила Гинзбургского, Олега Харченко и Владимира Позина, в конкурсаты входят и представители Петербургской Академии архитекторов России) и Александр Кудрявцев (президент Российской академии архитектуры и строительных наук), а также известные авторитеты: технический директор Метрополитан Опера Джозеф Клаус, исполнительный директор премии Притцкера Билл Лейси, директор Международного Форума современной архитектуры Aedes — Велли Кристин Файрбакс, директор британского отделения World Monuments Fund Колин Эмери, архитекторы Максимилиан Фридрих и Дэвид Либескер. Заинтересованные горожане составляли рейтинг и делают ставки, как на олимпийских лошадей, на звезд мирового зодчества.